

УДК 821.133.1'09-31+929Сегюр

РОМАН ГРАФИНИ ДЕ СЕГЮР «ПРИМЕРНЫЕ ДЕВОЧКИ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

Е. А. Варламова

Варламова Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, varlamova_elena@mail.ru

В статье анализируется русскоязычная версия романа «Примерные девочки» французской детской писательницы Сегюр-Ростопчиной (издательство «Энас-книга», 2015 г.). Рассматриваются два этапа создания современного перевода романа с точки зрения адекватной передачи индивидуального авторского стиля художественного произведения.

Ключевые слова: Софи де Сегюр, «Примерные девочки», трилогия «Флервиль», французская детская литература.

Countess de Segur's Novel *Les Petites Filles Modèles* in Modern Russian Translation

Е. А. Varlamova

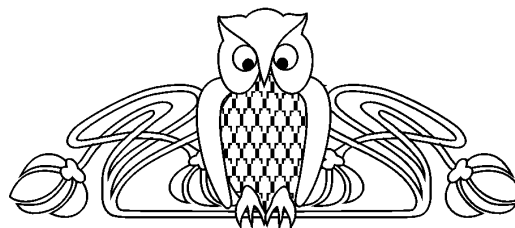
Elena A. Varlamova, <https://orcid.org/0000-0002-5931-4405>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, varlamova_elena@mail.ru

The article analyzes the Russian version of the novel *Les Petites Filles Modèles* by a French children's writer Segur-Rostopchine (publishing house Enas-kniga, 2015). Two stages of the modern translation of the novel are considered from the point of view of rendering the individual author's style of the work of fiction properly.

Key words: Sophie de Segur, *Les Petites Filles Modèles*, *The Fleurville* trilogy, French children's literature.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-453-458>

Софи де Сегюр (1799–1874), урожденная Софья Федоровна Ростопчина – знаменитая французская детская писательница русского происхождения – является автором более двадцати романов и сказок для детей. В конце XIX и на рубеже XIX–XX вв. она была известна в России, ее книги переводились. О ней упоминал Владимир Набоков¹, а Марина Цветаева, которая весьма высоко ценила творчество Сегюр, отзывалась о ней так: «Графиня де Сегюр – большая писательница, имевшая глупость вообразить себя бабушкой и писать только для детей»². Однако в советский период произведения Сегюр не переводились и не издавались, и лишь в конце XX – начале XXI в. в России стали вновь появляться книги писательницы, в основном в дореволюционных переводах. Во Франции творчество графини де Сегюр было и остается популярным, многочисленные ее романы и волшебные сказки выходили

и продолжают выходить в самых крупных издательствах. По многим ее произведениям созданы художественные и мультипликационные фильмы (один из последних – в 2016 г.). Однако даже во Франции, несмотря на существование ряда исследований по творчеству графини де Сегюр, до сих пор не существует полного собрания ее сочинений (только в формате ePUB – электронной версии, не прошедшей научного рецензирования и сверки). В России творчество писательницы до последнего времени практически не изучалось³.

Совсем недавно (2011–2015 гг.) издательство «Энас-книга» опубликовало роман Софи де Сегюр «Примерные девочки». В рамках настоящей статьи в основных чертах анализируется эта русскоязычная версия романа. Необходимость подобного исследования обусловлена стремлением понять, насколько адекватное представление о творчестве французской писательницы получает российский читатель – наш современник.

Процесс перевода художественного произведения неразрывно связан с проблемой адекватной передачи авторского стиля, который академик В. В. Виноградов рассматривал как «систему индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств художественно-словесного выражения, а также систему эстетическо-творческого подбора, осмысления и расположения речевых элементов»⁴. Таким образом, индивидуальный авторский стиль понимается нами как совокупность характеристик художественного произведения в целом, отражающая и особенности концепции творчества писателя (основные идеи, проблематика произведения, круг сюжетов и характеров, художественный метод изображения действительности), и собственно манеры письма (типичные для автора художественные средства и синтаксические конструкции, язык).

Оригинальность художественного стиля мадам де Сегюр определяется, прежде всего, целью, которую ставит перед собой графиня, начав писать, – «воспитывать детей и направлять их к вере» (по меткому выражению М. Сорiano: «Le but essentiel qu'elle se propose, en prenant la plume, c'est d'instruire la jeunesse, de l'orienter vers la foi»⁵).

Роман «Примерные девочки» («Les Petites Filles Modèles», 1858) – второй детский реалистический роман так называемой трилогии «Флервиль», куда кроме этого произведения относят «Несчастья Софи» («Les Malheurs de Sophie»,

1858) и «Каникулы» («Les Vacances», 1859). Трилогия объединена действующими лицами, местом действия (замок де Флервиль), главенствующей идеей автора – с позиций христианской морали объяснить детям «что такое хорошо и что такое плохо», и основной писательской задачей – стремлением к правдоподобию, которому подчинены, прежде всего, художественный метод (реализм) и особенности жанра (смешение романа и драмы, этакая детская «драма для чтения»)⁶.

Главными действующими лицами романа «Примерные девочки», являются дети: маленькая непоседа Софи де Реан – девочка плохо воспитанная и постоянно страдающая от недостатка своего воспитания, попадающая в неприятные и даже опасные, угрожающие ее жизни и здоровью ситуации, и три «примерные девочки»: Маргарита де Розбур, Камила и Мадлен де Флервиль – подруги Софи. Кроме того, в романе действуют и взрослые – «плохая», капризная и неуравновешенная, жестокая мадам де Фичини – мачеха Софи, и, с противоположной стороны, мадам де Розбур и мадам де Флервиль – пример «хороших» родителей и правильных воспитателей, прекрасный и необходимый образец для подражания.

Произведение имеет ярко выраженный нравоучительный характер и продолжает традиции европейского романа-воспитания. Автор преследует вполне конкретную цель – проанализировать знаковые поступки (а чаще всего – проступки) ребенка в самых различных ситуациях с желанием воспитать лучшие качества в своих юных читателях. «Она была вспыльчива, а стала спокойной; она была чрезмерна в еде, а стала сдержана; она была лжива, а стала искренна; она была воришкой, а стала честна; наконец, она была злой, а стала доброй... Сделайте так же, как она, мои дорогие дети! У вас это легко получится, ведь вы не обладаете всеми теми недостатками, какие были у Софи» (перевод наш. – Е. В.)⁷, – пишет графиня в Предисловии к «Несчастьям Софи», посвящая роман внучке Элизабет Френо (это Предисловие можно отнести к трилогии в целом).

Метаморфозы, произошедшие с Софи, должны убедить читателей в том, что есть хорошо и что есть плохо, и потому писательнице надлежит быть максимально *правдоподобной* в своем повествовании. Создать иллюзию «невыводимости» событий и персонажей С. де Сегюр помогает не только следование реалистическим тенденциям при избрании художественного метода произведения, но и присутствие мощного драматического начала в жанровой структуре романа. Драма необходима С. де Сегюр не только как способ максимально облегчить восприятие текста детьми, которые не любят длинных описаний, но, прежде всего, обусловлена ее желанием, скрывшись за театральной ширмой, придать событиям и персонажам большую «всамделишность» в глазах юных читателей, заставляя их самих удостовериться в неотвратимости предлагаемого финала в каждом

отдельном случае и в итоге поверить в неизбежность преобразования Софи. Детская писательница обращается к традиции романа Бальзака, в частности, его новаторскому опыту смелого смешения разных жанровых регистров – эпического и драматического. Подобно Бальзаку, который, представляя своему читателю «Отца Горио», признавался, что «эта драма – не вымысел и не роман. All is true, – она до такой степени правдива, что всякий найдет ее зачатки в своей жизни»⁸, Софи де Сегюр пишет в Предисловии в «Примерным девочкам»: «Mes Petites filles modèles ne sont pas une création; elles existent bien réellement... Camille et Madeleine sont une réalité dont peut s'assurer toute personne qui connaît l'auteur»⁹ («Мои Примерные девочки – не сочинение; они существуют на самом деле... Камила и Мадлен – живые девочки, в чем могут убедиться все, кто знает автора»). Так возникает особый жанр произведения – своеобразная детская «драма для чтения», «длинная драма» или роман-драма, внешне гораздо более напоминающая драматическое, нежели эпическое произведение.

Композиционно роман «Примерные девочки» представляет собой собрание коротких глав-сенок (которые, по мнению М. Сориано, напоминают сайнеты), представляющих один конкретный поучительный случай (день) из жизни маленьких девочек. Практически каждая глава (за исключением, пожалуй, первой, вводной главы «Камила и Мадлен»), как и акт пьесы, имеет свою экспозицию, завязку конфликта, развитие действия, кульминацию и развязку, неизбежно заключающую в себе мораль. Текст глав представляет собой почти сплошной диалог персонажей, лишь изредка прерываемый коротким повествованием от третьего лица. Причем реплики оформлены так, как это принято в драматическом произведении – без использования косвенной речи, располагаясь под (за) именем действующего лица. Диалог значительно доминирует над речью повествователя, а авторская речь выполняет роль как бы театральных дидактических и содержит, как правило, беспристрастный и очень краткий комментарий относительно героев и ситуации перед началом, по ходу или в конце действия. Авторская речь между диалогами почти не содержит слов с оценочной коннотацией.

Автор позволяет себе вмешаться и открыто высказаться только перед началом действия – неизменное Предисловие-напутствие или Предисловие-пояснение к каждому роману (в том числе и к «Примерным девочкам»), в котором мудрая бабушка-графиня обращается к любимым внукам, а через них к читателям, составляет особую примету художественного стиля Сегюр-Ростопчиной.

Совершенно особенной и оригинальной представляется нам и манера письма графини де Сегюр, являющаяся образцом простого, лаконичного и в то же время элегантно-стильного. Структура фразы предельно проста синтаксически и мак-

симально точна, конкретна и недвусмысленна с точки зрения выбора лексики. Писательница явно заботится об эмоционально-психологическом комфорте маленьких читателей и не допускает использования вульгаризмов и жаргонизмов, сниженной и экспрессивной оценочной лексики. Заметно и ее стремление использовать простые сравнения вместо сложных выразительных средств и тропов. Любимым стилистическим приемом графини де Сегюр является использование контраста, антонимов, а также различных повторов, анафоры, избыточных однородных определений, сказуемых, дополнений. Все эти черты и создают в совокупности безупречный дидактический текст – прозрачный, легкий и в то же время утонченный, призванный воспитывать в читателях, помимо всего прочего, и эстетический вкус (пример сегюровской фразы: глава «Un an après – Le chien enragé» («Через год – Бешеная собака»): «Je l'ai bien vu, maman, à sa queue traînante, à sa tête basse, à sa langue pendante, à sa démarche trottinante; et puis il a mordu Calino et Marguerite sans aboiement, sans bruit ; et Calino, au lieu de se défendre ou de crier, s'est étendu à terre sans bouger...» (29) («Я ее хорошо видела, маменька, она бежала медленно, хвост ее волочился, голова ее была опущена, язык высунут; а потом она укусила Калино и Маргариту и при этом даже не залаяла, не издала ни звука, а Калино, вместо того чтобы защищаться и рычать, улегся на землю и не двигался» (перевод наш. – Е. В.)).

Итак, резюмируя главные черты сегюровского художественного стиля в связи с ее романом «Примерные девочки», части трилогии «Флервиль», отметим, что все они служат воплощению центральной творческой идеи и задачи – «воспитывать детей и обращать их к вере» (христианской). Писательница желает быть убедительной и ненавязчивой в процессе воспитания и потому выбирает реализм как основной метод изображения действительности и «драму для чтения» в качестве жанра произведения (эпический жанр «рассказывает» историю, драма же рисует жизнь). Кроме того, наличие авторского предисловия к роману, поясняющего художественный замысел писательницы, непосредственное обращение к читателю в Предисловии и сознательное самоустранение автора на страницах самого произведения, практическое отсутствие оценочной лексики со стороны повествователя, лаконичность и синтаксическая прозрачность фразы с элементами речевой эстетики – главные приметы строгого и в то же время изысканного «сегюровского» стиля.

Современный русский вариант романа «Примерные девочки» создавался в два этапа. Издательством «Энас-книга» указано, что произведение публикуется в переводе известной детской писательницы и переводчицы конца XIX – первой трети XX в. Е. М. Чистяковой-Вэр в современной литературной обработке Г. Ходкариан. Однако мы полагаем, что заявленное имя переводчика,

давно ушедшего из жизни, вызывает большие сомнения¹⁰. Несомненно одно: первый русский перевод появился в 1869 г. в крупном столичном издательстве – товариществе Вольфа, без указания имени переводчика¹¹ (в каталогах РГБ и РНБ указывается 1868 г., на самой книге стоит 1869 г. издания; переиздание – 1903 г. и третье издание – в 190...), и именно он стал основой современного русского текста, предложенного издательством «Энас-книга» в 2015 г. (это становится очевидным при элементарной сверке).

Неизвестный переводчик 1869 г., создавший изначальную русскую версию романа, в целом довольно бережно и трепетно отнесся к оригинальному произведению. Часто в переводе сохранены даже французский синтаксис и пунктуация (практически идентичные в Предисловии), что оказалось возможным благодаря структуре самой сегюровской фразы – предельно простой синтаксически и максимально точной, конкретной и недвусмысленной с точки зрения выбора лексики.

Однако в любом художественном переводе неизбежны потери. В романе это в первую очередь коснулось говорящих фамилий, смысл которых важен и теряется, поскольку в русском тексте они переданы при помощи звукописи. Так, «Флервиль» в дословном переводе с французского означает «цветущий город», «город цветов». Это не только фамилия, но и основное место действия – замок, где живет счастливое семейство – благородная, великодушная, справедливая, образованная, любящая и внимательная мать и ее счастливые хорошо воспитанные дети. Почти то же самое можно сказать и о фамилии «Розбур» – дословно «город роз», которую носит подруга госпожи де Флервиль, живущая с ней в одном замке, и ее дочь Маргарита. Маленькой Софи принадлежит фамилия «де Реан», очень созвучная французскому «réalité», «réel», что в переводе – реальность, действительность. Софи, по мысли автора, – настоящая, она – не плод фантазии, она не плохая и не «примерная», а обыкновенная, она – ребенок, который, как и другие дети, нуждается во внимании и воспитании. Ее злая мачеха носит фамилию «Фичини». Это имя вызывает у франкофонов лишь негативные эмоции – во-первых, ассоциацию не с французской, а итальянской, т. е. чужеродной фамилией, во-вторых, стойкую ассоциацию с выражением «делать фи» (faire fi) – жест пренебрежения и презрительности, интерпретирующий основное чувство, которое занята только собой мачеха испытывает по отношению к Софи. Такое распределение ролей напоминает итальянскую комедию «dell'arte» – театр масок, где маска характеризует определенный тип личности с раз и навсегда установленными чертами. Писательница сознательно прибегает к этому приему, стремясь к доходчивости, наглядности, ненавязчивой назидательности в ходе чтения-воспитания (однако справедливости ради стоит отметить, что статичными характерами обладают

все, кроме Софи. Софи, по мысли автора, – развивающийся и эволюционирующий образ). К сожалению, в переводе значение «говорящих фамилий» утрачивается полностью.

Интересно, однако, что, сохраняя французское звучание фамилий, переводчик русифицирует личные имена. Софи превращается в Соню, Маргэрит – в Маргариту, служанка Элиз – в Лизу, Жанетт – в Жанету и т. д.

Думается, что практически неизбежные потери при переводе «говорящих фамилий» были в то время и не так ощутимы в расчете на аудиторию, которой предназначался этот текст, – детей дворянских и интеллигентных семей, где с рождения привыкли говорить по-французски.

Заметным сознательным действием переводчика становится целенаправленное (и не совсем понятное в то время) ретуширование религиозной (христианской) составляющей воспитательного процесса, которое вносит определенные коррективы в оригинальную идею содержания романа графини де Сегюр.

Эта тенденция наиболее ярко проявила себя при переводе главы «Le cabinet de pénitence» (дословно: «Комната покаяния»), в русском варианте – «Карцер». Рассматривая заголовок в качестве «сжатого, нераскрытого содержания текста»¹², как своеобразную аббревиатуру смысла, попробуем проанализировать, каким образом он раскрывает тематическую и смысловую доминанту текста.

Глава «Le cabinet de pénitence» по своему идейному содержанию занимает центральное место в романе. *Pénitence* в переводе с фр. – покаяние, раскаяние, исповедание, епитимья (наказание). С точки зрения автора, она повествует не только о «преступлении» и неизбежном наказании, но и о важности осознания своего проступка и раскаяния согласно христианской морали. Сюжет прост: после взаимных оскорблений и драки Соню наказала г-жа де Флервиль: ее отвели в комнату, оставили одну и заставили десять раз переписать молитву *Отче наш*. Оказавшись запертой в комнате, Соня приходит в ярость и рвет в клочья бумагу, ломает перо и готовится к телесному наказанию за свой еще один проступок (она привыкла, что мачеха ее сечет розгами). Однако, придя на шум, мадам де Флервиль попросила служанку убрать мусор и, к удивлению Сони, не стала сечь ее розгами, а лишь спокойно констатировала факт, что девочка еще не осознала свою вину, о чем она и жалеет, и продлила срок домашнего ареста «до завтра», т. е. дала ребенку еще одну возможность подумать о случившемся. Более того, она даже не заперла дверь на ключ. Отсутствие телесного наказания, криков и унижений со стороны мадам де Флервиль, а напротив, проявление доверия по отношению к провинившемуся ребенку настолько поразили Соню, что к ней неизбежно приходит понимание нелепости ее действий, а затем и искреннее раскаяние и покаяние. Причем само

наказание Соня воспринимает уже как благо, как предоставленную ей возможность стать лучше и добрее.

Таким образом, словосочетание «cabinet de pénitence» (комната покаяния) полностью отражает главенствующую идею автора, делающего акцент на процессе осознания своего проступка и покаянии. Однако в русском переводе названия главы – «Карцер» – идейные доминанты оказываются смещены в сторону значения самого наказания, ведь «карцер – арестантская учебная заведение, тюрьма»¹³ (согласно толковому словарю В. Даля, даты создания которого – 1863–1866 гг. – синхронизируют времени написания романа), место наказания, а не покаяния. Усилению этого оттенка смысла способствуют и некоторые детали перевода основного текста, например, такие как добавление при описании помещения: в оригинале – «la porte était trop solide pour être enfoncée» (115) (дословно: «дверь была слишком прочна, чтобы быть выломанной»), в переводе «двери были тяжелые и плотно заперты»¹⁴.

На протяжении текста главы (и не только этой, а всего романа) переводчик последовательно пытается сгладить христианскую составляющую воспитательного момента в процессе осмысления своего поступка. Так, оригинальное «vous allez copier dix fois toute la prière: Notre père qui êtes aux cieux» (113) (дословно: «вы десять раз перепишите всю молитву *Отче Наш на небесах*») заменено на «Вы десять раз перепишите эту страницу»¹⁵; фраза Сегюр: «Elle est furieuse et offense le Bon Dieu» (114) (дословно: «Соня пришла в ярость и расстроила Боженьку») передана как: «рассердилась»¹⁶ авторское «elle n'a pas l'habitude de pratiquer la charité» (114) (дословно: «Соня не привыкла подавать бедным») в переводе представлено как «Соня не привыкла любить ближних»¹⁷; французское название главы XXII «Sophie veut exercer la charité» (дословно: «Софи хочет раздавать милостыню») передано на русском «Соня хочет сделать доброе дело»). Таким образом, становится очевидным, что переводчик, в отличие от автора, нивелирует акцент на религиозной составляющей в проблематике романа.

Примечательно, что перевод заголовков (их 28 – по числу глав в романе) отражает основные переводческие стратегии и приемы, реализуемые в тексте в целом. Так, более конкретные и информативные французские заголовки, часто содержащие глаголы и отглагольные формы, имеют более генерализованные русские эквиваленты (в тексте переводчик часто использует генерализацию как переводческий прием): например, «Les Fleurs cueillies et remplacées» (дословно: «Сорванные и вновь высаженные цветы») – «Цветы», «Sophie mange du cassis et ce qui en résulte» (дословно: «Софи кушает черную смородину и что потом происходит») – «Черная смородина», «La promenade, l'accident» (дословно: «Прогулка, несчастный случай») – «Прогулка, случай». Часто

при переводе теряется элегантная сегюровская анафора. Однако, к чести переводчика, он старается по возможности компенсировать подобную потерю, как, например, при переводе названия главы IV «Réunion sans séparation», когда был найден достойный эквивалент – почти поэтическая фраза «Гости остаются навсегда».

Анализируя русский текст 1869 г., нетрудно заметить, что в процессе работы переводчик часто использует не только приемы генерализации, обобщения, но и опущения некоторых мелких деталей, которые в оригинале, по мысли автора, способствуют воссозданию художественной реальности. Так, например, исчезают названия незначительных населенных пунктов (в главе «Цветы» городок Мулен именуется просто «город»), имена некоторых второстепенных персонажей (так, предложение с конкретным подлежащим «M-me Vertel nous a fait voir comment elle les faisait» (111) (дословно: «Госпожа Вертель нам показала, как она это делает») заменено на безличное «Нас научили, как это делать»¹⁸). Простые сравнения нередко заменяются фразеологизмами. Случаются также грамматические замены, трансформации предложений по типу высказывания (например, замена вопросительных предложений на утвердительные и т. п.). Иначе говоря, перевод не лишен неточностей, несоответствий с оригиналом. Однако при этом особая манера письма С. де Сегюр – простота, ясность изложения, тщательное отобранная лексика, забота об эмоционально-психологическом комфорте маленьких читателей и элегантность текста – сохранена и по возможности адекватно передана. Бережно сохранен внешний вид и филигранная форма произведения – неизменное Предисловие и оригинальная драматическая структура романа.

Что же касается второго этапа трансформаций, произошедших в результате современной литературной обработки текста, то они принципиально изменили сегюровский роман. Мы не будем останавливаться на некоторых формальных модификациях текста, как то изменение дореформенных письма и орфографии на современные, изменение названия птицы «Реполов» на «Коноплянку» в качестве заголовка главы XVIII, замены ряда устаревших слов. В остальном русский текст 1869 г. сохранен практически полностью. По вполне понятным и объяснимым причинам издателей нашего века устроила и ретушь религиозных «элементов». Но!

Современный редактор решил, во-первых, убрать авторское предисловие к роману, во-вторых, преобразовать оригинальную «драматическую» структуру текста в более привычную «романную». Так, в обновленной русскоязычной версии «Примерных девочек» располагавшиеся отдельно друг от друга высказывания персонажей оказываются слиты в единое повествовательное пространство, причем каждая реплика теперь сопровождается авторской речью, которая фак-

тически представляет собой вводные слова с ярко выраженной оценочной коннотацией. Появляются добавленные фразы после слов всех действующих лиц: например, мадам де Флервиль – «покачала головой женщина», «кивнула мать», «тон госпожи де Флервиль был суровым», Мадлен – «одернула ее малышка», «высказала свое мнения малышка», Сони – «не унималась Соня», «призналась Соня», «принялась оправдываться Соня», «рассердилась девочка» (примеры из главы «Карцер») и т. п. и т. д.

Думается, что эти неожиданно возникшие пояснения от третьего лица несколько ограничили поведение героев, их суждения, поступки и проступки, делать самостоятельные и потому убедительные выводы, в праве, которое изначально было им предоставлено и которое являлось основополагающим моментом поэтики романа-воспитания Сегюр-Ростопчиной.

Новый «внешний вид» произведения «как у всех» – без Предисловия – неизменного сегюровского обращения к своим маленьким читателям, с привычным романном повествованием не только не дает адекватного представления о самообытной авторской манере, но и нарушает оригинальную поэтику произведения, основанную на четко определенных художественных и дидактических принципах.

Может быть, подобные трансформации были продиктованы лучшими побуждениями. Книга ориентирована на тот возраст, когда детям еще читают взрослые, и вводные слова автора после прямой речи, наделенные чисто пояснительной функцией, кажутся чем-то само собой разумеющимся. Но в этом порыве и скрылось самое сложное – риск не сохранить авторскую творческую позицию, перейти грань, выйти за рамки оригинальной концепции произведения, потерять нечто из того, что называют индивидуальным авторским стилем. А ведь в результате возникает совсем другая история, другой автор, другая книга, в которой трудно узнать произведение графини де Сегюр, урожденной Ростопчиной, русской «бабушки» французской детской литературы... Наверное, подобная ситуация с русской версией романа оказалась возможной из-за практической неизвестности творчества Софи де Сегюр в современной России и отчасти из-за отсутствия его научного осмысления в отечественной науке.

Примечания

- 1 См.: *Набоков В.* Русский период // *Набоков В.* Собр. соч. : в 5 т. СПб., 2000. Т. 5. С. 187–188.
- 2 *Цветаева М.* Повесть о Сонечке. Харьков, 2013. С. 112–113.
- 3 В отечественном литературоведении творчеству графини де Сегюр посвящены лишь немногочисленные статьи: *Варламова Е.* К проблеме жанровых особен-

- ностей трилогии С. де Сегюр («Проделки Софи», «Примерные девочки», «Каникулы») // Детская зарубежная литература : традиции и современность : материалы Шестой межвуз. науч.-метод. конф. СПб., 2012 ; Чекалов К. История с географией в романе С. де Сегюр «Генерал Дуракин» // Культурологический журнал. 2013. № 4. С. 1–13 ; *Его же*. Взаимодействие русских и французских लोकусов в прозе графини де Сегюр // Вторые московские Анциферовские чтения : сб. ст. по материалам междунар. конф., посвященной 140-летию В. Д. Бонч-Бруевича. М., 2014. С. 373–385 ; Варламова Е. Проблема жанра в романе С. де Сегюр «Проделки Софи» // Перспективы развития современных гуманитарных наук : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2014. С. 25–27 ; *Ее же*. К проблеме атрибуции русского перевода романа С. де Сегюр «Примерные девочки» // Филологическая наука на современном этапе : проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 24 июня 2016 г.). Пенза, 2016. С. 12–14.
- 4 Виноградов В. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 167.
- 5 Soriano M. Guide de littérature pour la jeunesse. Paris, 1975. P. 478.
- 6 Отметим, что хронологический порядок действия в романах трилогии о маленькой невесте Софи подчинен процессу взросления основных персонажей: так, первой частью становится «Несчастья Софи» (героине 4 года), затем «Примерные девочки» (Софи 6 лет) и наконец «Каникулы» (школьный возраст).
- 7 *Comtesse de Ségur*. Les Malheurs de Sophie. Paris, 2006. P. 4.
- 8 Бальзак О. Отец Горю // Бальзак О. Собр. соч. : 15 т. Т. 3. М., 1955. С. 5.
- 9 *Comtesse de Ségur*. Les Petites Filles Modèles. P. 4. URL: http://www.crdp-strasbourg.fr/je_lis_libre/livres/Segur_LesPetitesFillesModeles.pdf (дата обращения: 30.01.2018). Далее ссылки на французский текст романа даются по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- 10 См.: Варламова Е. К проблеме атрибуции русского перевода романа С. де Сегюр «Примерные девочки». С. 12–14.
- 11 См.: Графиня Сегюръ. Примѣрные дѣвочки. СПб. ; М. : Издание М. О. Вольфа, 1869.
- 12 Гальперин И. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 133.
- 13 URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 30.01.2018).
- 14 Сегюр С. де. Примерные девочки. М., 2015. С. 99.
- 15 Там же. С. 98.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 96.

Образец для цитирования:

Варламова Е. А. Роман графини де Сегюр «Примерные девочки» в современном русском переводе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 453–458. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-453-458>

Cite this article as:

Varlamova E. A. Countess de Segur's Novel *Les Petites Filles Modèles* in Modern Russian Translation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 453–458 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-453-458>